

**Религиозная концепция власти
как проблема русской политической культуры:
«Барградский проект»
(К вопросу об альтернативах российской истории)***

О.А. Жукова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-25-43

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье автор анализирует концепцию религиозных оснований культуры и власти как проблему русского политического сознания. В работе выявляются принципы взаимодействия между религиозной и политической традициями Российской империи в начале XX в. Автор рассматривает случай «Барградского проекта» как уникальный пример подобного взаимовлияния, раскрывая его значение в политической истории поздней Российской империи. Анализируемый философско-политический сюжет дает возможность проследить внутренние взаимосвязи между религиозными установками и политическим воображением русских монархических кругов и определить специфику религиозно-политического самосознания русской власти, ее механизмы отбора идей, символов и образов национальной политической, религиозной и художественной культуры в последний период существования Российской империи. С нашей точки зрения, наиболее продуктивным является совмещение культурно-исторического и философско-исторического подходов как в ходе изучения истории «Барградского проекта», так и для обсуждения проблем русской политической культуры. В статье исследуются политические условия деятельности и духовно-культурные цели Барградского комитета в реализации «Барградского проекта» в итальянском Бари и Санкт-Петербурге в 1910-е гг. Применяя методологию философско-исторического анализа, автор обсуждает религиозные концепты русской политической культуры на примере деятельности Барградского комитета и его попытки затормозить деградацию российского самодержавия. Основной акцент сделан на политико-философской стороне анализа, а также на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31314 «Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор национального политического сознания».

вопросе о возможных способах интеграции результатов философско-исторических исследований в контекст современных дискуссий по проблеме политических альтернатив российской истории.

Ключевые слова: философия российской истории, политическая культура, православная традиция, историческая альтернатива, религиозное самосознание, Барградский комитет.

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ozhukova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

Для цитирования: Жукова О.А. (2019) Религиозная концепция власти как проблема русской политической культуры: «Барградский проект» (К вопросу об альтернативах российской истории) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 4. С. 25–43. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-25-43

Religious Concept of Power as a Problem of Russian Political Culture: “Bargradsky Project” (On the Issue of Alternatives to Russian History)*

O.A. Zhukova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-25-43

Original research paper

Abstract

In this article, the author analyzes the concept of religious foundations of culture and power as a problem of Russian political consciousness. The paper reveals the patterns of interaction between the religious and political traditions of the Russian Empire in the early 20th century. The author provides *Bargradsky project* case as a unique example of such influence, identifying its mean in the later Russian Empire’s political history. Philosophical-political case that is analyzed in the article makes it possible to trace the inner links between religious attitudes and political imagination of Russian monarchical circles and to identify the peculiarities of religious

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute of Social Research (EISR), research project no. 19-011-31314 “Unrealized alternatives to the political history of Russia as a factor of national political consciousness.”

and political self-awareness of Russian power, its mechanisms for the selecting the ideas, symbols, images of the national political, religious and artistic culture in the last period of the Russian Empire. From our point of view, it would be most effective to combine the cultural-historical and the philosophical and historical approaches both in the reconstruction of Bargradsky project and in studies of Russian political culture. The article examines both the political conditions of activities and spiritual-cultural goals of Bargradsky Committee on Bargradsky project in Italian Bari as well as in Saint Petersburg in the 1910s. The author discusses the religious concept of Russian political culture, applying philosophical-historical method for the analyses Bargradsky Committee activity and its attempt to slow down the degradation of the Russian autocracy. The major emphasis is placed on the political and philosophical way of analysis as well as on the possibility of introducing the results of philosophical-historical research into current debates on the issue of alternatives to Russian history.

Keywords: philosophy of Russian history, political culture, Orthodox tradition, historical alternative, religious self-awareness, Bargradsky Committee.

Olga Zhukova – D.Sc. in Philosophy, Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

ozhukova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

For citation: Zhukova O.A. (2019) Religious Concept of Power as a Problem of Russian Political Culture: Bargradsky Project (On the Issue of Alternatives to Russian History). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 25–43. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-25-43

Введение

В обсуждении российской политической традиции с учетом ее длительной истории взаимообусловленности религиозной веры и политических институтов неизбежно возникает вопрос о природе власти и способах ее легитимации, о соотношении религиозных ценностей и идеалов с политическими практиками и общественными установлениями. Анализ политической истории России в XX в., драмы революции и крушения империи, последовавшего за ними восстановления государственности на тоталитарной основе показывает, что принцип сакрализации власти, лежавший в основании русской политической культуры, не исчез с падением монархии и воспроизводился в политической системе

большевистского государства в культе вождя. Трансформация русской религиозности в коммунистический миф и создание на его основе государства под знаменем атеистической религии были названы Н.А. Бердяевым эпохой «нового средневековья». В этом смысле исторический и политический прогноз философа о переходе «от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа», с характерной «всеобщей религией», которая потребует в XX в. «сакрального» общества и «сакральной» культуры на антихристианской основе, оказался верным [Бердяев 1994, 414].

Наблюдаемая устойчивость паттернов власти в русской культурно-политической традиции [Жукова 2014, 33–40] позволяет говорить, что рационалистические установки современного общества, о которых пишет Бердяев, противопоставляя гуманистическую культуру классического модерна антихристианскому иррационализму массового общества, в имперской России оказались воплощены неполно, и здесь бердяевская схема не совсем точна. В политико-культурном отношении процесс рационализации и секуляризации власти не состоялся, в первую очередь, для самих представителей русской монархии, мысливших свою субъектность в метафизическом горизонте. Поэтому с известными ограничениями можно считать, что доминантным типом российской политической системы в поздний имперский период выступает «патриархальная политическая культура», в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы [Алмонд, Верба 1997, 593–600], ориентированная на «вертикаль» власти, репрезентированную в образе царя, самодержца, сильного правителя, обладающего сакральной легитимностью.

Рассматриваемый нами «барградский» философско-политический сюжет отсылает к событиям русской истории и культуры начала XX в. На данном этапе Россия как государство и политическая система представляла собой уже не традиционалистский, а смешанный тип социально-политических отношений. Ее важным элементом стало формирование «подданнической политической культуры» дворянства, купечества и горожан с ориентацией на уже существующие государственно-политические институты, куда была включена и церковь. На этом фоне активно развивалась «активистская политическая культура», социальную базу которой составили прогрессивные представители высшей бюрократии, понимавшие необходимость реформ, либерально настроенные

земское дворянство, университетские интеллектуалы, творческая интеллигенция, студенчество, активисты общественных организаций, участницы женских движений. Однако «точкой сборки» российской политической системы оставался институт монархии, последний представитель которой, император Николай II, понимал свою миссию самодержца исключительно в религиозном ключе.

Возникает вопрос, который переводит анализ политической и культурной ситуации в поздней Российской империи в философскую плоскость. Почему эволюционный, «срединный» путь социального прогресса и формирования политической нации был Россией не реализован, хотя модернизационные условия и базовые программные принципы были уже обозначены в публичном политическом пространстве, в деятельности думских партий, в развитии экономики, образования, культурного просвещения и различных форм самоорганизации общества? Что стало препятствием, какой элемент социально-политической системы оказался неадаптивным, неспособным к необходимым историческим изменениям, какие социальные и культурные акторы не были вовлечены в этот общий процесс культурно-политической работы?

В настоящей статье мы обратимся к анализу знакового события в духовной и общественной жизни последнего десятилетия существования Российской империи, демонстрирующего специфику российской политической культуры с точки зрения религиозно-политического воображения и моральных идеалов носителей высшей власти, поддерживавших правящего монарха членов его семьи, общественных и политических кругов. Предметом анализа станут характерные ментальные и психологические установки представителей дома Романовых, олицетворявших в глазах русского общества монархическую «партию» и ее интересы. В центре исследования – так называемый «Барградский проект», связанный с возведением двух храмов – храма св. Николая в Бари и Николо-Александровской церкви Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в Санкт-Петербурге (Петрограде), параллельное строительство которых было начато незадолго до Первой мировой войны. Этот, казалось бы, локальный историко-культурный сюжет в действительности ярко раскрывает специфические представления главных акторов российского политического процесса. На наш взгляд, он дает ответ на вопрос о способности или неспособности участия русской монархии,

обладавшей в российской политической традиции сакральной легитимностью власти, в модернизации политической культуры и социальной системы в России.

«Барградский проект» как предмет философско-исторического анализа

Специально заметим, что историко-культурные аспекты строительства храмов в неорусском стиле, получивших название «барградских», к созданию которых был причастен ведущий архитектор русского художественного модернизма А.В. Щусев, уже стали предметом рассмотрения историков искусства [Евстратова, Колузаков 2017]. Однако философско-исторический и религиозно-политический аспекты «Барградского проекта» до настоящего времени не получили должного осмысления. Роль этого события в общественной жизни поздней империи, ее политической и духовной культуре остается все еще не выявленной. В данном контексте нас будут интересовать не столько подробности возникновения и реализации архитектурно-церковного проекта в Италии и России в рамках деятельности Барградского комитета ИППО, что представляет собой предметное поле исследований историков [Талалай 2011, 139–154], сколько вопрос, относящийся к *области философии российской истории и политики, национальной культуры и традиции религиозности*. В частности, это вопрос религиозно-политического значения двух храмов в жизни империи, которое придали им русский самодержец и наиболее близкие царской семье члены дома Романовых.

Рассматриваемый нами сюжет о «барградских» храмах в философско-историческом контексте может быть трактован как симптом кризиса классического европейского проекта модерна в России с его специфически сложившейся традицией взаимодействия высоких практик русской культуры – политической, религиозной и художественной. Собственно, об этой проблеме и писал П.Б. Струве, полемизируя с Д.С. Мережковским, отмечая, что «проблема государства в окончательной своей постановке соприкасается для меня в настоящее время с проблемой не только культуры, но и религии» [Струве 1997, 71]. Для развития данного тезиса нами будет предпринята философско-культурологическая реконструкция, в центре которой находится интерпретация храмов в Бари и Санкт-Петербурге как *сакральных топосов* русской культуры и власти, репрезентирующих идею русской

культуры с точки зрения религиозно-этического идеала святости [Mrowczynski-Van Allen, Obolevitch, Rojek (Eds.) 2015], а идею монархии – как верховную власть, имеющую мистическую легитимацию. Настоящая традиция метафизической интерпретации российской политической истории стала идеологическим и духовным основанием русского самодержавия [см.: Симанский 2005; Экономцев 1992, 143–166]. Справедливо утверждать, что русская монархия в начале XX в. в своих моральных мотивах, техниках самопрезентации и практиках политической коммуникации продемонстрировала традиционалистский, по сути, средневековый, комплекс представлений о характере и способах политического правления. Этот тип *религиозно-политического имперского воображения* хорошо прослеживается в замысле и строительстве Барградского храма в Петербурге. По нашему мнению, в «Барградском проекте» отражены две традиции перенесения сакральных мест – христианской святыни и политического символа власти, сложившиеся в средневековую эпоху в культурах религиозно-традиционалистского типа [Бойцов, Эклс 2008].

В этом контексте одна из задач нашего исследования заключается в выявлении религиозной составляющей политического и национально-культурного самосознания главных участников «Барградского проекта», их особого понимания роли Российской империи, ее религиозной миссии в жизни европейских государств начала XX в. Отметим, что философские, исторические и политические аспекты взаимоотношений религиозных и государственных институтов, российской общественности и монархических кругов в поздней Российской империи всесторонне обсуждались на тематических конференциях в Москве и Санкт-Петербурге [Карпов, Тахинцев (ред.) 2006; Ковырзев (ред.) 2009]. В нашей статье основное внимание уделено анализу религиозных мотивов представителей высшей русской власти, определявших их моральный и общественно-политический профиль в публичном пространстве, характер их взаимодействия с различными кругами российского общества, проявившийся в замысле и реализации «Барградского проекта», особенным образом – в строительстве Николо-Александровского (Мирликийского) храма в Санкт-Петербурге. Религиозно-политическое значение строительства петербургского храма можно выявить, рассмотрев деятельность Барградского комитета и ИППО в контексте проблемы культурно-политической идентичности поздней Российской империи

с характерным для нее имперским воображением в национальной политике [Миллер 2008]. С одной стороны, как памятник архитектуры этот храм является выражением расцвета культуры Серебряного века, ее эстетического и художественного гения, с другой стороны, строительство Николо-Александровского храма в контексте новой сакральной доминанты правящего царского дома демонстрировало политическую и духовно-экзистенциальную драму русского самодержавия, искавшего опору в религиозной вере и мистических практиках. История Барградской церкви в Петербурге отражает драматическое столкновение секулярных и архаизирующих религиозных тенденций в развитии русского общества, в художественной и урбанистической культуре имперского города в начале XX в. [Берар 2016].

«Барградские» храмы в культурно-политической истории России

В 1910 г. русскому правительству и ИППО окончательно пришлось отказаться от идеи создания паломнического центра в Мирах Ликийских (1). Причиной были непростые отношения, существовавшие между Россией и Оттоманской Портой. На основе анализа политической ситуации, проведенного послом при Оттоманской Порте Н.В. Чарыковым при непосредственном участии и поддержке великой княгини Елизаветы Федоровны, председателя ИППО, произошла переориентация русских интересов в пользу идеи строительства центра в итальянском Бари. Менее чем через две недели после получения из Бари известия о покупке земли, 2 февраля 1911 г. Елизавета Федоровна обратилась с докладом к императору Николаю II о намерении ИППО, возглавляемого ею, возвести в Бари храм во имя св. Николая (2).

В письме к русскому монарху великая княгиня сразу подчеркнула особое значение личного участия Николая II в «Барградском проекте»: «Конечно, единственный человек, кого, я уверена, святой Николай желал бы во главе этой святой работы в его честь и ради твоего народа, который любит его больше всех святых, – это ты, наш император, имеющий утешение носить в крещении имя святого Николая» [Понкротова (сост.) 2015, 157, 158]. Очевидно, что великая княгиня воспринимала это начинание как свидетельство духовного единения русского народа со своим царем, видя в императоре мистическую личность на троне – Помазанника Божия. Доклад княгини получил высочайшее одобрение, и 12 мая 1911 г.

в рамках ИППО при личном покровительстве императора был создан Барградский комитет под председательством князя А.А. Ширинского-Шихматова, вице-председателя ИППО.

Проект храма и подворья Барградский комитет заказал А.В. Щусеву, талант которого великая княгиня знала и ценила как создателя архитектурного комплекса организованной ей Марфо-Мариинской обители (1908–1912). Он принял предложение Барградского комитета «сочинить здание и церковь в Бари в мотивах родной архитектуры, ставшей особенно близкой лицам, любящим нашу церковь, которая так чтит своего святителя Николу» [Щусев 1914, 25]. Щусев проявил глубоко авторский подход к выбору эстетической и стилистической программы, что дало возможность мастеру прибегнуть к сочетанию элементов старой «новгородско-псковской» и новой архитектуры, открыв путь к переосмыслению художественного наследия русской культуры.

Над рабочим проектом подворья Щусев трудился в течение двух лет, с 1912 по 1914 гг. В день св. Николая, 9 (22) мая 1913 г., состоялась торжественная закладка подворья. В Бари пришли поздравительные телеграммы от Николая II, Елизаветы Федоровны, А.В. Щусева. Основные строительные работы завершились к январю 1915 г. Однако строительство подворья и украшение храма практически прервались, когда Российская империя вступила в войну с Германией. Планы ИППО по реализации «Барградского проекта» в Италии были сорваны. Россия, терпевшая неудачи на полях сражений Первой мировой, не нашла в себе силы завершить строительство за пределами империи (3). Можно предположить, что по этой причине Барградский комитет сосредоточил свое внимание и энергию на Барградском храме-спутнике в столице воюющей империи – Николо-Александровской церкви.

История этого храма с момента его возникновения оказалась тесно связана с династией Романовых, с судьбой царского рода и престола. Николо-Александровский храм был духовным восприемником Александровской часовни, устроенной прошением торговцев Александровского рынка в память о спасении императора Александра II от покушения в Париже в мае 1867 г., совершенного деятелем польского освободительного движения Антоном Березовским. Помимо мемориального значения для семьи Романовых особая роль храма была подчеркнута еще и тем, что часовню, заложенную в 1870 г. и освященную в декабре 1879 г., приписали

к предположенной к восстановлению обители и церкви во имя св. Николая в Мирах Ликийских [Антонов, Кобак 2010, 283].

Новый этап в судьбе восстановленной после пожара 1885 г. Александро-Невской часовни начался в 1888 г., когда Св. Синод назначил великого князя Сергея Александровича, председателя ИППО, почетным ктиторм Мирликийской часовни. После трагической гибели Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. в Москве от рук террориста Ивана Каляева часовню обратили в храм св. Николая. Должность председателя ИППО наследовала его вдова Елизавета Федоровна, которая заняла также место почетного ктитора Николо-Александровской церкви. Храм на месте часовни был переподчинен в пользу строящейся церкви в Бари. Однако переделанная из Александровской часовни церковь не устраивала Барградский комитет, отчего возникла идея параллельного строительства нового храма в столице Российской империи. Решение было принято Синодом 29 ноября 1911 г. по указу императора и ходатайству ИППО. Николо-Александровская церковь в Санкт-Петербурге получила наименование «Барградской» [Евстратова, Колузаков 2017, 190].

Сакральный топос русской культуры и власти

Строительство нового храма, по всей видимости, было обусловлено настоятельным желанием Елизаветы Федоровны. Будет справедливо предположить, что для великой княгини перестройка бывшей ктиторской часовни Сергея Александровича после его трагической гибели стала религиозным актом памяти по убиенному мужу. Храм в сознании великой княгини, как и простых верующих, навсегда был связан с трагическими страницами семейной истории Романовых – с памятью об убитых от рук террористов отце-императоре Александре II и его младшем сыне – главном представителе правящей династии в древней столице России – Москве.

Для строительства Николо-Александровского храма был создан попечительский совет и особое наблюдательное совещание, куда вошли великая княгиня Елизавета Федоровна, князь А.А. Ширинский-Шихматов, профессор церковной истории и литургики А.А. Дмитриевский и историк древнерусского искусства В.Т. Георгиевский, открывший фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Обращает на себя внимание тот факт, что возле великой княгини сложился круг профессионального и делового

общения, в который входили известные представители русской университетской интеллигенции, профессора, архитекторы, специалисты в области истории церкви и древнерусского искусства. Вероятно, Елизавета Федоровна старалась расширить возможность своих контактов и найти единомышленников в среде русских интеллектуалов и художников – вовлечь образованный класс России в общекультурное делание и тем самым найти поддержку монархической «партии» и повысить лояльность к правящей династии со стороны умеренно настроенной русской интеллигенции [Бычков 1998, 206–207].

Первоначальный эскиз Барградского храма в Санкт-Петербурге также принадлежал А.В. Щусеву [Евстратова, Колузаков 2017, 193]. Однако мастер был сконцентрирован на доработке проекта в Бари, что подтолкнуло Барградский комитет и Попечительский совет Николо-Александровского храма к поискам другого автора. Им стал архитектор С.С. Кричинский, достраивавший храм Федоровской иконы Божией Матери в память 300-летия Дома Романовых. Кричинский смог эстетически схватить, осмыслить и выразить в художественном облике церкви главную идею великой княгини о храме – символе единства Древней Руси и Петербургской России. Проект Николо-Александровского храма был выполнен Кричинским по образу псковско-новгородской архитектуры, которая чистотой линий, отвечавшей молитвенной строгости и религиозной сосредоточенности древних подвижников, вдохновляла эстетическое чувство великой княгини и соответствовала ее духовному настрою [Дмитриевский 2016, 186]. Этим культурным и религиозным актом строительства мемориального храма Елизавета Федоровна словно бы желала перенести сакральный образ власти из Древней Руси в столицу империи, возобновляя тем самым традицию переноса сакральных пространств (топосов), имевшую большое значение в русской культуре [Лидов (ред.) 2006].

Закладку храма на углу 2-й Рождественской улицы и Калашниковского проспекта 8 сентября 1913 г. совершил митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский) в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Иоанна Константиновича, внучатого племянника Александра II. Характерно, что в сакральное основание храма были положены мощи свт. Алексия, митрополита Московского, воспитателя св. Дмитрия Донского и собеседника прп. Сергия Радонежского,

способствовавшего духовному и политическому укреплению Московской Руси. Его святым покровительством явно желала заручиться представительница русского монархического дома, остро чувствующая, что высшей власти не удастся найти язык диалога с обществом, деморализованным военными неудачами и расколотым на враждующие политические лагеря.

Храм в столице был построен за два года. Освящение Барградского Николо-Александровского храма состоялось 15 декабря 1915 г. в военном Петрограде. Чин освящения был совершен митрофорным протоиереем П.И. Соколовым, членом Совета ИППО. Показательно, что на освящении присутствовали близкие к кругу великой княгини представители высшей аристократии и имперской бюрократии, в том числе министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев и министр юстиции А.А. Хвостов, чьи взгляды можно назвать, скорее, умеренно-лояльными по отношению к правящей династии, нежели ультра-верноподданническими. Во многом это объясняется тем фактом, что между великой княгиней и ее сестрой, императрицей Александрой Федоровной, постепенно росла дистанция в отношениях, которая была вызвана неприятием Елизаветой Федоровной фигуры Григория Распутина.

Великая княгиня противилась признавать в хитром и морально нечистоплотном мужике, искусном манипуляторе «святого простеца» [Бычков 1998, 211]. Кроме того, Елизавета Федоровна, не подвергавшая сомнению власть русского монарха, стояла за четкий правовой формат во взаимодействиях царского дома с Думой, за диалог с различными кругами культурной общественности, в организации благотворительных дел придерживаясь демократических принципов в решении сложных вопросов (4). Этого ее младшая сестра понять и принять не могла, воспринимая такой порядок как наступление на саму основу самодержавия и используя специфические способы борьбы за русский трон [Коковцов 1933, 352]. Оказавшись в семье практически в одиночестве, великая княгиня не оставила усилий по укреплению авторитета монархии, избрав путь мистического делания, воплощением которого стал «Барградский проект».

Храм в имперской столице, освященный в разгар русско-германской войны, стал реализацией церковно-просветительской программы ИППО и личным актом веры великой княгини, старавшейся поддержать религиозный дух в русском народе, испытывавшем тяготы жестокой, огромной войны. Строительством

храма Барградский комитет хотел выразить «благочестивую любовь русского народа к своему Царю и Его Царскому Роду». Однако царь не смог присутствовать на освящении новой сакральной доминанты империи. Николай II в это время был на фронте, где разворачивались драматичные для русского оружия события. Елизавета Федоровна в отсутствие императора, обремененного заботами военного времени, и сестры-императрицы, поглощенной материнскими тревогами, буквально впавшей в мистическую истерию, оставалась *неполитическим лидером* монархической «партии», вменившей себе миссию быть защитницей престола.

Барградский храм-спутник в Петербурге, по замыслу великой княгини, должен был стать образом-символом Древней Руси, напомнить об идеалах русской святости и тем самым духовно объединить древнюю и современную историю России и ее две столицы – допетровскую православную Москву и европейский Петербург. Очевидно, Елизавета Федоровна, глубоко воспринявшая русское православие, выступала сторонницей религиозной концепции власти и старалась укрепить своим архитектурно-церковным проектом русскую монархию, тем самым задержав необратимый процесс ее моральной и политической деградации. Духовная борьба, которую вела великая княгиня за авторитет династии во имя спасения России, религиозные представления и чувства, воплощенные ею в создании Николо-Мирликийского храма в Санкт-Петербурге, придали творению Кричинского в глазах главной вдохновительницы «Барградского проекта» смысл нового *сакрального топоса* русской власти.

После революции Николо-Мирликийский храм разделил участь многих памятников церковного зодчества: 7 марта 1932 г. он был закрыт и 20 мая того же года взорван по решению советских властей. Мученическая кончина Елизаветы Федоровны, как и гибель возведенного ею храма, стала символом крушения монархических надежд, метафизического и политического обвала имперского проекта священной царской власти. В этом смысле политический прогноз В.О. Ключевского об отсутствии исторических перспектив русской монархии, данный им в речи перед студентами через три недели после трагедии кровавого воскресенья, разрушившей сакральный образ царя, сбылся.

Представляется необходимым в интерпретации «Барградского проекта» как символического события российской политиче-

ской и культурной истории выделить несколько *философско-исторических аспектов*. С философско-культурологической точки зрения идея, положенная в основание «Барградского проекта», свидетельствует об архаизирующей попытке воплотить преемственность православной традиции русской культуры, пережившей петровскую европеизацию и секуляризацию, и транслировать сакральные смыслы власти от древнерусской к имперской культуре. Данный проект, зиждившийся на русской политической мифологии – образах сакрального царства и священной империи, представлял собой опыт конструирования национальной идентичности через обращение к ранним образцам древнерусской культуры – духовно-нравственным (традиция святости) и эстетическим (религиозное искусство и архитектура).

Философско-религиозный аспект можно видеть в религиозной тематизации русской культуры, ее идеально-ценностной традиции в высоких практиках национальной культуры – искусстве, религии, политике, философии – в условиях изменения социальной и политической структуры Российской империи. В политическом воображении создателей храма он становился смысловым элементом символического производства религиозного архетипа власти, выражая, с одной стороны, преемственность духовной традиции национальной истории, с другой стороны, образ России как альтернативной европейскому секулярному государству христианской империи, хранительницы православного наследия.

Политико-религиозный аспект строительства Николо-Александровской церкви раскрывается в актуализации религиозных архетипов власти – в утверждении сакрального смысла русского трона. Со стороны монархической «партии» эти усилия представляли собой драматичную и одновременно утопичную попытку спасти правящую династию и Россию через реверсивное обращение к образам и символам русской государственности и культуры. Продемонстрированная приверженцами монархии в деятельности Барградского комитета воля к спасению империи и правящей династии, будучи свидетельством личной религиозности, стала очевидным проявлением глубинного кризиса русской политической традиции, по факту – доказательством невозможности осуществления религиозно-политического идеала священной власти в политической практике поздней Российской империи.

Заключение

В истории замысла, строительства и послереволюционной гибели храма просматривается попытка сохранения сакрального ядра царства (в виде религиозной концепции власти) в политической структуре империи эпохи позднего модерна – монархически-теократическая утопия, обернувшаяся для русского самодержавия трагедией. Одна из важнейших причин, почему усилия по созданию нового публичного религиозно-политического дискурса власти со стороны сторонников монархии не увенчались успехом, заключается в том, что само общество оказалось глубоко радикализированным, в политике, культуре и в общественной морали увлеченным утилитарными идеями безрелигиозной интеллигенции, что было осмыслено авторами сборника «Вехи» (1909). Именно об этой неспособности к диалогу с верховной властью впоследствии в своих мемуарах написала член ЦК партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс: «...народное представительство со своей стороны не проявляло охоты к сближению. Безумие было обоюдное. Ответственность падает на обе стороны» [Тыркова-Вильямс 2007, 275]. На выработку новой практики политической коммуникации и языка интеллектуально-культурного диалога внутри разобщенных слоев российского общества, потерявших уважение к верховной власти и разуверившихся в источнике ее сакральной легитимности, не хватило исторического времени. Путь к масштабному общенациональному конфликту с непредсказуемыми социальными, политическими и гражданско-правовыми последствиями был открыт.

Накапливая внутренние противоречия в условиях возрастающей экономической и политической конкуренции со стороны ведущих европейских держав, Российская империя, вступившая в войну, повела себя как государство-нация, которое апеллировало не к правовому сознанию и практике, не к прагматическому смыслу и политической ответственности, а к духу нации – к традиции, истории, моральному и религиозному идеалу. Все это ярко воплотилось в деятельности Барградского комитета, выражавшего идеалы религиозной и политической ортодоксии. Нехватка рациональных средств для выстраивания политических и культурных коммуникаций, как и отсутствие сформированного языка диалога внутри общества и на внешнем контуре империи, были основными причинами конфликта, перешедшего на международном поле в мировую войну, опрокинувшуюся вскоре во внутрь самой

России, что закончилось для самой большой европейской державы катастрофой, открывшей после крушения русского проекта священной монархии путь радикальной исторической альтернативе – большевистскому государству, в основу идеологии которого был положен коммунистический проект.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Подробнее о планах создания русского центра в Мирах Ликийских см.: [Герд 2006, 360–395; Лисовой 2006, 271–280].

(2) В 1892 г. цесаревич Николай Александрович посетил Бари и поклонился своему святому покровителю Николаю Чудотворцу. Это обстоятельство, безусловно, послужило дополнительным аргументом в пользу «Барградского проекта».

(3) По сути, проект оказался законсервированным. После 1917 г. началась его послереволюционная история, связанная уже с судьбой русской эмиграции [Бойцов, Талалай 2011].

(4) Примером является ее работа в рамках Елизаветинского комитета, помогавшего семьям убитых и увечных воинов. Комитет действовал публично, Елизавета Федоровна настаивала, чтобы все разногласия решались голосованием, и «строго подчинялась решению большинства» [Туманова 2014, 127–128].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алмонд, Верба 1997 – Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли: В 5 т. – М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 593–600.

Антонов, Кобак 2010 – Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. – СПб.: Лики России, 2010.

Берар 2016 – Берар Е. Империя и город. Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Бердяев 1994 – Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. С. 406–464.

Бойцов, Талалай (ред.) (2011) – Патриаршье подворье святителя Николая Чудотворца в Бари. История. Убранство. Миссия / под ред. О.А. Бойцова и М.Г. Талалай. – Москва – Бари: Индрик, 2011.

Бойцов, Эксле (ред.) 2008 – Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. – М.: Наука, 2008.

Бычков 1998 – *Бычков С. С.* Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 гг.). – М.: Русское рекламное издательство, 1998.

Герд 2006 – *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). – М.: Индрик, 2006.

Дмитриевский 1916 – *Дмитриевский А.А.* Освящение Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1916. Т. XXVII.

Евстратова, Колузаков 2017 – *Евстратова М.В., Колузаков С.В.* Храм святителя Николая в Бари. Проект архитектора А.В. Щусева. – М.: Кучково Поле; ABCdesign, 2017.

Жукова 2014 – *Жукова О.А.* Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. – М.: Согласие, 2014.

Карпов, Тахинцев (ред.) 2006 – Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг.: Материалы Всероссийской конференции / под ред. А.В. Карпова и А.И. Тахинцева. – СПб.: Алетейя, 2006.

Ковырзев (ред.) 2009 – 1917: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: Материалы междунауч. конференции: Москва 19–20 ноября / под ред. К.В. Ковырзева. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

Коковцов 1933 – *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1913–1919: в 2 т. Т. 2. – Париж: Иллюстрированная Россия, 1933.

Лисовой 2006 – *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв. – М.: Индрик, 2006.

Миллер 2008 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Лидов (ред.) 2006 – Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума / ред-сост. А.М. Лидов. – М.: Индрик, 2006.

Понкратова (сост.) 2015 – Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. Избранное / сост.: Е.Н. Понкратовой; публ., пер. Т. В. Коршуновой; коммент. О. С. Трофимовой. – М.: Летопись, 2015.

Симанский 2005 – *Симанский, патр. А.* Митрополит Филарет о Церкви и государстве. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.

Струве 1997 – *Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997.

Талалай 2011 – Талалай М.Г. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. – СПб.: Коло, 2011.

Туманова 2014 – Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М.: Политическая энциклопедия. 2014.

Тыркова-Вильямс 2007 – Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М.: Московская школа политических исследований, 2007.

Щусев 1914 – Щусев А.В. Странноприимный дом и храм во имя св. Николая Мирликийского в гор. Бари, в Италии // Зодчий. 1914. № 3.

Экономцев 1992 – Экономцев, Иоанн, иг. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху // Православие. Византия. Россия. Сб. Статей. – М.: Христианская литература, 1992.

Mrowczynski-Van Allen, Obolevitch, Rojek (Eds.) 2015 – Mrowczynski-Van Allen A., Obolevitch T., Rojek P. (Eds.) *Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought*. – Eugene, OR: Pickwick Publications, 2015.

REFERENCES

Almond G. & Verba S. (1963) *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Antonov V.V. & Kobak A.V. (2010) *Shrines of St. Petersburg. Encyclopedia of Christian churches*. Saint Petersburg: Liki Rossii (in Russian).

Berar E. (2016) *Empire and City. Nicholas II, "World of Art" and the City Duma in Saint Petersburg*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Berdyayev N.A. (1994) New Middle Ages. In: Berdyayev N.A. *Philosophy of Creativity, Culture and Art. In 2 Volumes* (vol. 1, pp. 406 – 464). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Boytsov M.A. & Exsle O.G. (Eds.) (2008) *Images of Power in the West, Byzantium and Russia: The Middle Ages. New Times*. Moscow: Nauka (in Russian).

Boytsov A. & Talalay M.G. (2011) *Patriarch's Courtyard of St. Nicholas in Bari. History. Decoration. Mission*. Moscow: Indrik (in Russian).

Bychkov S.S. (1998) *Russian Church and Imperial power (Essays on the History of the Orthodox Russian Church in 1900–1917)*. Moscow: Russkoe reklamnoe izdatel'tvo (in Russian).

Dmitrievsky A.A. (1916) Sanctification of Bargradsk Nikolo-Aleksandrovsk Temple in Petrograd. In: *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva*. Vol. 27 (in Russian).

Ekonomtsev I. (1992) National-Religious Ideal and Idea of Empire in Peter's Epoch. In: *Orthodox. Byzantium. Russia. Works*. Moscow: Khristianskaja literatura (in Russian).

Evstratova M.V. & Koluzakov S.V. (2017) *Church of St. Nicholas in Bari. Project of Architect A. V. Shchusev*. Moscow: Kuchkovo Pole; ABCdesign (in Russian).

Gerd L.A. (2006) *Constantinople and St. Petersburg: Church Policy of Russia in the Orthodox East (1878–1898)*. Moscow: Indrik (in Russian).

Karpov A.V. & Tachintsev A.I. (Eds.) (2006) *Empire and Religion. The 100th Anniversary of the St. Petersburg Religious-Philosophical Meetings of 1901–1903: Materials of All-Russian Conference*. Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).

Kokovtsov V.N. (1933) *From My Past. Memoirs, 1913–1919: in 2 Volumes*. Vol. 2. Paris: Illyustrirovannaya Rossiya (in Russian).

Kovyrtsev K.V. (Ed.) (2009) *1917: The Church and the Destiny of Russia. On the 90th Anniversary of the Local Council and the Election of Patriarch Tikhon*. Moscow: Trinity Lavra of St. Sergius Pub. (in Russian).

Lisovoy N.N. (2006) *Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – Early 20th Centuries*. Moscow: Indrik (in Russian),

Lidov A.M. (Ed.) (2006) *New Jerusalem. Transfer of Sacred Spaces in Christian Culture. Proceedings of the international Symposium*. Moscow: Indrik (in Russian).

Miller A. (2008) *Romanov's Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Mrowczynski-Van Allen A., Obolevitch T., & Rojek P. (Eds.) (2015) *Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought*. Eugene, OR: Pickwick Publications.

Ponkratova E.N. (Comp.) (2015) *Letters of the Martyr Grand Duchess Elizabeth Feodorovna*. Moscow: Letopis (in Russian).

Tyrkova-Williams A.V. (2007) *On the Ways to Freedom*. Moscow: Moscow School of Political Research Pub. (in Russian).

Simansky A. (2005) *Metropolitan Filaret on Church and state*. Sergiev Posad: Trinity Lavra of St. Sergius Pub. (in Russian).

Shchusev A.V. (1914) Pilgrim's House and Church in the Name of St. Nicholas of Myra in Bari, in Italy. *Zodchiy*. 1914. No. 3. (in Russian).

Struve P.B. (1997) *Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism*. Moscow: Respublika (in Russian).

Talalay (2011) *Russian Church Life and Church Building in Italy*. Saint Petersburg: Kolo (in Russian).

Tumanova A.S. (2014) *Public Organizations of Russia During the First World War (1914 – February 1917)*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Zhukova O.A. (2014) *Selected Works on the Philosophy of Culture. Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Modern Russia*. Moscow: Soglasie (in Russian).